

платил за каждого раба штраф в три либры золотом¹⁴². Сами же рабы во всех этих случаях подвергались жестоким наказаниям. За вооруженный мятеж рабам всегда грозило сожжение или распятие на кресте.

По уголовным делам рабы во всех случаях сами несли ответственность¹⁴³. По особым делам, например по делу о похищении рабом замужней женщины, обвинение предъявлялось не хозяину, а только рабу¹⁴⁴.

Раб по-прежнему не мог свидетельствовать в суде ни за, ни против своего господина. Однако это древнее установление в VI в. все чаще и чаще нарушалось. По всем политическим процессам (например касающимся оскорбления величества) и по особо важным уголовным делам (о святотатстве, убийстве, прелюбодеянии, похищении девушки) рабы фактически могли привлекаться в качестве свидетелей и против своих господ¹⁴⁵. Прокопий рассказывает, что император Юстиниан в борьбе с представителями старой римской (языческой) аристократии использовал против своих врагов обвинения в педерастии, привлекая в качестве свидетелей против господ их рабов¹⁴⁶. Правда, когда императрица Феодора, преследуя сенатора Диогена, выставила в качестве обвинителей его в педерастии двух юных рабов, то суд признал их показания недостаточными для вынесения обвинительного приговора¹⁴⁷.

Показания рабов против господ учитывались на суде при разборе дел, касавшихся взимания налогов, когда были задеты интересы фиска, и при таких имущественных исках, когда не было другой возможности установить истину¹⁴⁸.

В исключительных случаях раб, спасаясь от жестокости господина, мог искать убежища в церкви, и его жалоба рассматривалась префектом города. Но рабы могли предъявить обвинение господину в чрезмерной жестокости, лишь имея на это самые веские основания; в случае же если их обвинение признавалось ложным, они карались смертной казнью¹⁴⁹.

Рабы всегда могли привлекаться в качестве свидетелей против всех других лиц, кроме их господина¹⁵⁰.

В Юстиниановом праве сохранилось жестокое узаконение римского времени, что все свидетельские показания рабов должны даваться только под пыткой¹⁵¹. При этом лицемерно требовалось, чтобы раб после пыток оставался живым, однако молчаливо признавалась возможность его гибели, ибо устанавливалась материальная компенсация хозяину за смерть раба. Судья же не нес никакой ответственности, если раб погибал во время пыток¹⁵². Из «Тайной истории» Прокопия мы видим, что пытки рабов на суде оставались обычным явлением в его время. С высокомерием истого рабовладельца Прокопий пишет: «Он (Юстиниан. — З. У.) быстро отказывался от своих обещаний и клясть, как самые низкие рабы, которых страхом перед поставленными перед их глазами орудиями пыток заставляют, дав присягу, подтверждать то или иное показание»¹⁵³.

¹⁴² СTh., XVI, 4.5.

¹⁴³ Dig., XLIV, 7.14.

¹⁴⁴ CJ, III, 41.4.

¹⁴⁵ Dig., XLVIII, 18.1.7—16.

¹⁴⁶ Procop., H. A., XI, 35.

¹⁴⁷ Ibid., XVI, 24—25.

¹⁴⁸ Dig., XLVIII, 18.9.

¹⁴⁹ Dig., I, 12.1.8. Запрещалось истязать рабов, морить голодом и принуждать к непристойному образу жизни.

¹⁵⁰ Dig., XLVIII, 18.1.7—16.

¹⁵¹ Dig., XLVIII, 18.1.7—17.

¹⁵² Dig., XLVIII, 18.7. Если к судебному расследованию привлекался раб, принадлежавший постороннему лицу, то заранее устанавливалась цена раба, чтобы в случае смерти раба под пыткой возместить его стоимость хозяину.

¹⁵³ Procop., H. A., VIII, 25.